

УДК 82-32
ББК 83.3(2)

Е.Н. Петухова

НЕДЕТСКИЕ ДЕТСКИЕ РАССКАЗЫ А.П.ЧЕХОВА

Рассказы Чехова о детях не следует рассматривать как собственно детские. В них поставлены вопросы и проблемы, характерные для творчества писателя в целом, причем звучат они еще острее, порой трагично. Противопоставление естественного, незамутненного и обремененного предрассудками, «правилами» и стереотипами взглядов на мир обнажает «ненормальность нормы» взрослого миропорядка, в таком мире «трудно быть ребенком». В ряде рассказов, начиная с ранних, Чехов уже использовал прием остранения, в них очевидны элементы особого чеховского повествования «в тоне и духе героя».

Ключевые слова: *Чехов, дети, взрослые, отношение, мир, мировосприятие, остранение, норма.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-1-19-27

Петухова Елена Николаевна – канд. филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета
Тел.: +7 921 -795-57-10
E-mail: pen9@yandex.ru

А. П. Чехов занимал вполне определенную позицию относительно литературы для детей: «*Писать для детей вообще не умею, пишу для них раз в 10 лет и так называемой детской литературы не люблю и не признаю. Детям надо давать только то, что годится и для взрослых*» [П 9, с.19]¹ – писал он Г.И. Россолимо 21 января 1900 г. в связи с его просьбой прислать рассказы для детской библиотеки. В разные периоды своего творчества Чехов стремился следовать именно этому принципу. В общем контексте рассказов с персонажами-детьми предстает картина детского мира внутри взрослого, выявляется действительное, а не декларируемое отношение взрослых к детям. В рассказах нашло отражение к ним и самого Чехова, причем с большей полнотой, чем в письмах, в которых встречались разные высказывания. Так, например, молодой Чехов с раздражением жаловался Н.А. Лейкину на невозможность писать из-за брата Александра, приехавшего в гости с женой и маленькой дочерью: «*Ревет детиныш!! Даю себе честное слово не иметь никогда детей...*» [П 2, с. 82]. Чаше, однако, упоминания о детях, в том числе о племянниках, отмечены лиризмом и нежностью, обычно окрашенными добродушным юмором или иронией: «*Дети святы и чисты. Даже у разбойников и крокодилов они состоят в ангельском чине*», «*Нельзя упоминать имена детей всуе*» [П 3, с.121, 122]. Чехову не свойственно умиленно-сентиментальное отношение к детям, одновременно он не приемлет неискренности, грубости и жестокости в обращении

с ними, которые испытал сам: *«Лучше не любить, чем любить деспотической любовью <...> Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать»* [П 3, с. 122], – пишет он старшему брату, порицая того за поведение в семье.

В чеховских рассказах детство изображено с разных сторон: это и непосредственно детский мир с его радостями и горестями, и мир детства в соприкосновении с миром взрослых, взрослый мир и взрослые в детском восприятии, взаимоотношения детей и родителей. Детские образы не вписаны в стереотип «ребенок», не идеализированы, вместе с тем они трогательны и освещены авторским теплым чувством и состраданием. Многие исследователи обращали внимание на «особость» чеховских рассказов о детях и искали причины обращения к этой теме. Так, Ю.И. Айхенвальд прозорливо отметил, что писателя интересовало «сознание элементарное: его тешила эта примечательная игра, когда сложное отражается в простом» [Айхенвальд, 2002, с. 753], Чехова, конечно, это не «тешило» – его привлекало восприятие мира человеком естественным, сознанием незашоренным, а таковое отличает, прежде всего, детей. «Эти маленькие существа образуют свое отдельное царство, они живут как бы в особой нравственной части света» [Там же, с. 755]. В этом царстве течет «иная жизнь с иными нормами и мерками, противостоящими обывательскому существованию. <...> Это другая форма противостояния привычным узаконенным представлениям и порядкам» [Бялый, 1990, с. 268]. Утверждаемая Чеховым «норма самочувствия «естественного» человека» распространена на детские рассказы, «в которых мир раскрывается детскому взору в первозданной яркости, свежести, увлекательности и блеске («Гриша»), а условная и сухая прямолинейность выработанных публичной жизнью моральных представлений выясняется при первом же столкновении с наивными детскими понятиями о справедливости и красоте («Дома»). Апелляция к сознанию «естественного» человека, в том числе к детскому сознанию, сближает Чехова с Толстым и, возможно, является результатом влияния последнего» [Бялый, 1973, с. 18]. При всей справедливости этих наблюдений, следует признать, что у Чехова детскому взгляду мир открывается не только увлекательным и ярким, – дети, как и взрослые, живут в разных семейных и социальных условиях, их детство, в отличие от маленьких героев Л. Толстого и С. Аксакова, зачастую далеко не счастливое, а горе недетское, от взрослых они видят и равнодушие, и раздражение, и жестокость.

Не все рассказы о детях и с персонажами-детьми могут быть интересны и понятны самим детям, действительно детскими можно считать чеховские рассказы о животных – «Белолобый» и «Каштанка», неслучайно в младших классах читают «Каштанку», а не «Гришу», «Устрицы», «Событие», «Дома». Наиболее близки детскому восприятию также рассказы «Мальчики» и «Детвора», в них Чехов словно «со стороны» заглядывает в детский мир с его интересами и тайнами и обнаруживает, что там маленькие люди уже проявляют определенные наклонности, характеры, индивидуальность, но объединяющих, фундаментальных черт пока больше:

непосредственность поведения, искренность чувств, наивность, свежесть взгляда, безгрешность. Так, начитавшиеся романов Майн Рида мальчишки решают бежать в Америку, чтобы удовлетворить жажду приключений, испытать трудности, преодолеть препятствия – дает о себе знать романтическое сознание. Володя и его друг Чечевицын проявляют смелость, убежав из дома, но их решимость неодинакова. Если Чечевицын явно обладает более сильной волей, то Володя – нежная душа, ему жалко маму, которая будет переживать, ему хорошо дома, в тепле, он готов отказаться от путешествия. Однако побеждает верность слову и товарищу. Детские сомнения и страх отступают перед неистребимой тягой мальчишек к подвигам, героическим поступкам, которые они еще превратно понимают. Мальчикам хочется выйти за пределы своего мира, ограниченного домом и гимназией, их манит неизвестный большой мир, который, в свою очередь, оказывается ограниченным их игровыми представлениями о нем. «Мальчишки» и «Детвора» отмечены добродушным юмором, вместе с тем, вопреки мнению, что «вполне серьезно, торжественно и объективно их нельзя рисовать» [Айхенвальд, 2002, с. 755], Чехов пишет о детях, конечно, не торжественно – ему вообще это не свойственно, но именно серьезно и объективно, а юмор нередко сменяется грустной иронией.

В «Детворе» дети играют в лото на деньги, как «большие», проявляя свои характеры и представления о справедливости. Так, девятилетний Гриша *«играет исключительно из-за денег. <...> Выиграв, он с жадностью хватается деньги и тотчас же прячет их в карман»* [4, с. 315], он, видимо, уже придает большое значение деньгам, кроме того ему не хочется, чтобы выигрывали другие. Выигрыш ради выигрыша важен для его сестры, восьмилетней Ани, и это типичное, не только детское стремление к первенству усилено детскими азартом и непосредственностью переживания. Шестилетняя Соня, похожая на *«дорогую куклу»*, *«играет в лото ради процесса игры»* [4, с. 316], в ней еще не пробудились «взрослые» мотивации, *«кто бы ни выиграл, она одинаково хохочет и хлопает в ладоши»* [4, с. 316] – ее интерес и радость бескорыстны, неслучайно именно она ставит за кухаркина сына копейку, когда у него закончились деньги. Не таков самый маленький игрок Алеша, хотя *«у него ни корыстолюбия, ни самолюбия»* и *«по виду он флегма, но в душе порядочная бестия. Сел он не столько для лото, сколько ради недоразумений, которые неизбежны при игре. Ужасно ему приятно, если кто ударит или обругает кого»* [4, с. 316] – перспектива развития этой личности не самая радужная. Однако негативные проявления нивелируются и смягчаются детской непосредственностью, равенством в игре (никто не чурается, не третирует сына кухарки Андрея), отсутствием настоящего корыстолюбия: для них копейка важнее рубля, потому что игра идет на копейки, и они не позволяют пятикласснику Васе поставить рубль. Вася, маленький морализатор, считающий себя взрослым и повторяющий взрослые сентенции, все же еще ребенок и поддается азарту игры. Наконец, устав, дети вместе засыпают в маминой спальне, являя трогательную картину. Казалось бы, подробно и с юмором описанный процесс игры, передающий детские взаимоотношения и восприятие, представляет

интерес именно для детей, но психологически точные, объективные комментарии рассказчика усложняют повествование и дают пищу для размышления взрослым. Современники писателя заметили эту особенность и сопоставляли «Детвору» с такими рассказами, как «Агафья», «Панихида», «Ведьма»: «С психологией "простых людей" близко соприкасается психология детского возраста – и в этой области г. Чехов также чувствует себя как дома» [Арсеньев, 1887, с.773] ². В основу рассказа легли личные впечатления Чехова о детях полковника Б.И. Маевского, с которым он познакомился в Воскресенске. Очевидно, что у Чехова был к ним не формальный, вежливый интерес – он видел в них формирующихся личностей, хрупких и ранимых.

Восприятие действительности пробуждающимся сознанием передано в рассказе «Гриша» (1886 г.). Мальчик менее трех лет отроду знал лишь «четырёхугольный мир» детской, в котором, кроме знакомых вещей и понятных людей: мамы и няни, – были и «загадочные личности»: папа и тетя, непонятно, для чего существующие. На прогулке с няней он видит привычные для взрослых картины, предстающие его взгляду странными и пугающими: шеренга солдат с красными лицами, огромные лошади, собаки, нянин знакомый – «человек со светлыми пуговицами», шум экипажей, – все необычно, непонятно. Переполненный впечатлениями ребенок пытается дома поделиться ими с мамой, но не может, не хватает слов, его не понимают и решают, что он заболел. Видение мира в преломлении детского сознания может казаться взрослым комичным, и «комизм, конечно, соединяется здесь с добрым чувством, с симпатией к детской логике» [Берковский, 2010, с. 936]. Доля комизма есть и в рассказе о Грише, но в целом его нельзя назвать юмористическим: реальность видится ребенку интригующей и пугающей, а не дружелюбной, впечатления мальчика тревожны и приводят к перевозбуждению и горячке. «Гриша» примечателен также тем, что Чехов прибегает здесь к приему остранения, переходит к повествованию «в духе и тоне героя», он «словно переселяется в душу героя, воспроизводит (или, скорее, моделирует, опираясь на наблюдение и воспоминания о собственном детстве) его сознание, его восприятие действительности» [Сухих, 2007, с. 236]. «Если взглянуть под кровать, то увидишь куклу с отломанной рукой и барабан, а за нянькиным сундуком очень много разных вещей: катушки от ниток, бумажки, коробка без крышки и сломанный паяц. В этом мире, кроме няни и Гриши, часто бывают мама и кошка. Мама похожа на куклу, а кошка на папину шубу, только у шубы нет глаз и хвоста» [5, с. 83]. Такой тип повествования использован и в рассказах «Кухарка женится», «Устрицы», включен в «Событие», «Ваньку», в «Степь». «Гриша», «Кухарка женится», «Устрицы» раскрывают не столько жизнь детского мира, изображение которого дается извне наблюдающим и понимающим рассказчиком («Мальчики», «Детвора»), сколько детское мировосприятие, не совпадающее с взрослым. Объективное повествование от автора сочетается с остраненным: семилетнему мальчику сватовство извозчика к кухарке видится совсем не так, как остальным. «За кухонным столом, на котором обыкновенно рубят мясо и крошат лук, си-

дел большой, плотный мужик в извозничьем кафтане, рыжий, бородатый, с большой каплей пота на носу», он пил чай и «так громко кусал сахар, что Гришину спину подирал мороз» [4, с. 135]. Грише было непонятно, зачем кухарке «жениться» «на этом страшном извозчике с красным носом, в валенках... фи!» [4, с. 136], ему стало жалко женщину, своей детской душой он почувствовал, что вольной жизни Пелагеи пришел конец, теперь она во власти чужого неприятного человека, однако взрослые воспринимали происходящее как нормальное и само собой разумеющееся событие, не приводящее к заметным изменениям привычного уклада. Сцены сватовства и женитьбы изображены иронически, отмечены деталями, которые не мог заметить ребенок, при этом авторский взгляд корреспондирует с детским восприятием сватовства как неестественного и тягостного процесса: «нормальное ненормально». В этом рассказе ребенок лишь наблюдает взрослую жизнь, не участвуя в ней, а в «Событии» мир детей соприкасается с миром взрослых, и между ними очевиден разлад. Появление котят – большая радость для детей: «Котята своим появлением на свет затемняют всё и выступают как живая новость и злоба дня. Если бы Ване или Нине за каждого котенка предложили по пуду конфет или по тысяче гривенников, то они отвергли бы такую мену без малейшего колебания. До самого обеда, несмотря на горячие протесты няньки и кухарки, они сидят в кухне около ящичка и возятся с котятками. Лица их серьезны, сосредоточены и выражают заботу. Их тревожит не только настоящее, но и будущее котят. Они порешили, что один котенок останется дома при старой кошке, чтобы утешать свою мать, другой поедет на дачу, третий будет жить в погребе, где очень много крыс» [5, с. 426]. Родители же называют котят гадостью и запрещают детям трогать их, демонстрируя тем самым нравственную глухоту и пренебрежение чувствами детей, протест которых выражается в капризах и грубости, – налицо конфликт между детским и взрослым представлениями. В глазах детей взрослые дискредитируют себя, когда смеются при известии, что большая собака съела котят: «Детям кажется, что все люди, сколько их есть в доме, всполошатся и набросятся на злодея Неро. Но люди сидят покойно на своих местах и только удивляются аппетиту громадной собаки. Папа и мама смеются...» [5, с. 428], – малышам нанесена психологическая травма, но родителям не приходит в голову, что их дети переживают настоящее горе. Что является в рассказе главным событием: рождение котят или их гибель и реакция родителей? Вероятно, второе: детей постигло первое разочарование в близких, посеяны семена недоверия и будущего конфликта, они получили урок равнодушия и жестокости, который, возможно, усвоят.

Взаимоотношения взрослых и детей отмечены у Чехова провалом коммуникации, и вина лежит на взрослых. Дети, особенно маленькие, обычно понимают друг друга, их конфликты между собой скоротечны и не глубоки, но разлад с миром взрослых почти постоянен. Взрослые изображены Чеховым плохими родителями, не пытающимися встать на точку зрения ребенка, взглянуть на ситуацию его глазами. Одним из исключений стал отец из рассказа «Дома»: после скучной воспитательной проповеди

по поводу вреда курения он попробовал заговорить с сыном, исходя из его представлений и ценностей, и получил отклик. Отец понял, что взрослая логика, рациональный подход не работают в общении с ребенком: *«У него в голове свой мирок, и он по-своему знает, что важно и что не важно. Чтобы овладеть его вниманием и сознанием, недостаточно подтасовываться под его язык, но нужно уметь и мыслить на его манер»* [6, с. 102]. Но сможет ли и впредь взрослый человек руководствоваться этим пониманием, ведь он, как и другие, давно забыл, что когда-то и сам принадлежал детскому миру? Разлад между детской и взрослой сферами жизни, между тем, не приводит и не может привести к их взаимной изолированности. Чем старше ребенок, тем большее влияние оказывает на него «нормальный» взрослый мир. Так, пятиклассник Вася из «Детворы» даже в мыслях исходит из взрослых понятий о непедагогичности игры на деньги, но эмоциональное и рациональное начала у него не в ладу, Вася вступает в игру, подчиняясь естественному детскому азарту. Володя в «Мальчиках» хорошо представляет себе волнение мамы и заранее сопереживает ей. Мальши в рассказе «Событие», в свою очередь, ориентируются на пример взрослых, «планируя» будущее котят: кто где будет жить и чем заниматься.

Дети из рассмотренных рассказов все же живут в благополучных семьях, если иметь в виду социальное положение и бытовые условия. Настоящие трагедии происходят на другом социальном полюсе. Дети, оставаясь детьми, с присущими им сознанием и психологией, брошены во взрослую жизнь, ломающую их душу. Обездоленные и страдающие маленькие герои рассказов «Устрицы», «Ванька», «Спать хочется» получают жестокий жизненный опыт. Никто не делает им скидок на возраст, у них нет детства, а живут они с детскими представлениями и желаниями. Рассказ «Устрицы», наиболее ранний (1884 г.), выделяется тем, что написан от первого лица в форме воспоминания взрослого человека о голодном детстве, когда он, восьмилетний, стоял возле трактира с нищим отцом и изнемогал от голода. Физиологически точно и подробно Чехов, недаром называвший этот рассказ медицинским опытом [П 1, с. 184], воспроизвел состояние голодного мальчика и ощущения от поедания устриц, которыми, потешаясь, кормят его господа. Бездушные людей, голодный, жалкий отец, омерзительный вкус устриц врезались в память ребенка во всех деталях. Расспросив отца об устрицах, он вообразил их непонятными «морскими животными», из которых получается вкусный суп, затем, узнав, что их едят живыми, почувствовал почти физическое отвращение, представляя себе, как их ест. Полученные реальные ощущения совпали с воображаемыми. *«Помню, чья-то сильная рука тащит меня к освещенному трактиру. Через минуту собирается вокруг толпа и смотрит на меня с любопытством и смехом. Я сижу за столом и ем что-то склизкое, соленое, отдающее сыростью и плесенью. Я ем с жадностью, не жуя, не глядя и не осведомляясь, что я ем. Мне кажется, что если я открою глаза, то непременно увижу блестящие глаза, клешни и острые зубы...<...> Засим я помню страшную жажду. Я лежу на своей постели и не могу уснуть от изжоги и странного вкуса, который я чувствую в своем горячем рту. <...> К утру*

я засыпаю, и мне снится лягушка с клешнями, сидящая в раковине и играющая глазами» [3, с. 134]. В рассказе состыкованы повествование от лица взрослого рассказчика (в зачине), которое почти незаметно «перевоплощается» в субъективно-объективное повествование с использованием остранения от лица себя восьмилетнего, но с вкраплениями элементов повествования от взрослого: *«Отец мой не слышит. Он всматривается в движения толпы и провожает глазами каждого прохожего... По его глазам я вижу, что он хочет сказать что-то прохожим, но роковое слово тяжелой гирей висит на его дрожащих губах и никак не может сорваться»* [Там же, с. 132]. Рассказ совершенно лишен юмористической интонации, ситуация представлена не комичной, а трагичной, как и в «Ваньке». Ставшее крылатым выражение «на деревню дедушке», часто используемое в юмористическом контексте, в чеховском рассказе обозначило «точку невозврата» в судьбе мальчика, сохранившего, несмотря на бесчеловечные условия, способность помнить светлые моменты жизни, чувствовать красоту природы – горькой иронией окрашен финал рассказа: *«Убаюканный сладкими надеждами, он час спустя крепко спал... Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам... Около печи ходит Вьюн и вертит хвостом...»* [5, с. 481]. Еще один обездоленный ребенок – Варька в трагическом рассказе «Спать хочется» уже ничего не чувствует, кроме желания спать. Замученная работой и бессонницей, она видит источник своих страданий в плачущем младенце: *«Убить ребенка, а потом спать, спать, спать...»* Задушив его, Варька *«смеется от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мертвая...»* [7, с. 12]. Рассказ отмечен и социальным, и гуманистическим пафосом, однако он вызывает не только сострадание несчастному ребенку – встает вопрос о будущем девочки, которой предстоит жить с осознанием того, что она убийца. Как эта смерть отзовется в ее душе и как сложится ее судьба? Автор не выражает прямо своего отношения ни к Варьке, ни к ее поступку. В повествовании сочетаются отстраненность автора от объекта изображения и остранение при изображении реальности глазами персонажа-ребенка.

В чеховских рассказах от «Устриц» через «Событие» к «Грише», «Кухарка женится», «Ваньке», «Спать хочется» прослеживается та же эволюция повествования, что и в рассказах с взрослыми персонажами. Писателя все больше интересует человек не только как объект изображения, а как «субъект познания» и «субъект сознания». Носителями самого естественного, незамутненного сознания являются дети, им открывается ненормальность нормы. В рассказах о детях нет собственно детского, дети – маленькие люди, видящие жизнь и окружающую действительность в «исходном» состоянии, без многочисленных традиционных, культурных, социальных наслоений, без правил, диктуемых общественной моралью. Это не значит, что реальность воспринимается ими во всей полноте и в истинном свете, но фальшь, несуразности, нелепости поведения и взаимоотношений взрослых они чувствуют очень хорошо. Взрослые изображены опосредованно, через отношение к детям и как объекты их

видения. Детские характеры и судьбы Чехов представляет в разнообразии, выделяя определяющие для той или иной маленькой личности черты, которые могут развиться или нет в процессе взросления. Соприкосновение с взрослым миром, тем более вхождение в него часто драматично, для многих детей трагично, они наименее защищенные люди, отношением к ним взрослое общество характеризует себя. У Чехова это нелестная характеристика.

Особое место занимает Егорушка в этапном произведении Чехова «Степь». Это последний главный персонаж-ребенок, своего рода итог развития детского образа, одновременно ставящий вопрос о его «взрослом» будущем. Егорушка – сквозной персонаж, в повествовании сочетаются, сменяют, «перетекают» один в другой взгляд ребенка и взгляд автора на степь и людей, причем на первый план выходит сама степь, символ природного начала. В поездке по степи, в общении с ней происходит взросление мальчика, его будущее неясно и тревожно для него самого и для автора: «Какова-то будет эта жизнь?» [7, с. 104] Это уже не только вопрос о судьбе Егорушки, чуткого, наблюдательного, восприимчивого мальчика, – в контексте всего повествования Чехов расширяет его до вопроса об общей судьбе поколения.

Таким образом, в «детских» рассказах нет детского сюжета и содержания, нет и назидательности, присущей детской литературе. Чехов исследует на примере пересечения/соприкосновения/ столкновения детского и взрослого миров многие проблемы, которые рассматривает во всем своем зрелом творчестве: неестественность привычного, фальшь во взаимоотношениях, сложности коммуникации, нравственная глухота, равнодушие друг к другу. В «детских» рассказах обнаженнее выступает контраст между естественным и обросшим многочисленными стереотипами взглядами на мир, искаженным и непосредственным мировосприятием, причем Чехов не утверждает его полного соответствия реальности – детское понимание ограничено и неглубоко, но в соприкосновении с ним становится очевиднее искажение первичных, элементарных норм человеческого общения и поведения. Изображая действительность глазами ребенка через повествование «в тоне и духе героя», Чехов возвращал читателю свежесть восприятия, обращал его взгляд внутрь себя.

Примечания

¹ Произведения и письма А.П. Чехова приведены по Полному собранию сочинений и писем в 30 томах. М.: Наука, 1974–1983. Ссылки даны в скобках с указанием номера тома и страницы; серия писем обозначена П.

² Цит. по примечанию к рассказу в Полн. собр. соч. и писем А.П. Чехова в 30 томах. Сочинения в 18 т. Т. 4. С. 512.

Литература

Айхенвальд Ю.И. Чехов // А.П. Чехов: pro et contra / общ. ред. И.Н. Сухих. СПб.: РХГИ, 2002. С. 722 – 786.

Берковский Н.Я. Чехов, повествователь и драматург // А.П. Чехов: pro et contra / общ. ред. И.Н. Сухих. СПб.: РХГИ, 2010. С.930 – 974.

Бялый Г.А. Чехов и русский реализм. От Тургенева к Чехову. Л.: Советский писатель, 1990. 640 с.

Бялый Г.А. Русский реализм конца XIX века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 168 с.

Сухих И.Н. Проблемы поэтики Чехова: 2-е изд., доп. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2007. 492 с.

References

Aykhenvald Yu.I. Chekhov, A.P. *Chekhov: pro et contra*, Saint-Petersburg, 2002, pp. 722-786. (In Russian).

Berkovskiy N.Ya. Chekhov, povestvovatel i dramaturg, A.P. *Chekhov: pro et contra*, Saint-Petersburg, 2010, pp. 930-974. (In Russian).

Byalyy G.A. *Chekhov i russkiy realizm. Ot Turgeneva k Chekhovu*, Leningrad, 1990, 640 p. (In Russian).

Byalyy G.A. *Russkiy realizm kontsa XIX veka*, Leningrad, 1973, 168 p. (In Russian).

Sukhikh I.N. *Problemy poehtiki Chekhova*, Saint-Petersburg, 2007, 492 p. (In Russian).

Elena N. Petukhova (St. Petersburg, Russian Federation)

Unchildish Childish Stories by A. P. Chekhov

Chekhov's stories about children should not be considered as childish. In these stories questions and problems which are typical of Chekhov's works are raised. And these problems turn out to be even tragic because they concern the most unprotected people – children. Chekhov does not connect humane feeling which distinguishes children's image with idealization and tender emotion, their images are not entered in stereotype "infant". Childhood is described from different sides in Chekhov's stories: it is child's world itself with its happiness and misfortunes, it is also child's world which contacts with the world of adults, adult world and children's perception of adults, interrelations between children and parents marked by A.P. Chekhov with communicative failure which takes place because of adults. Opposition of something natural, clear to something burdened with prejudice, "rules" and stereotyped views on the world shows falsity and "abnormality of the norm" of world order, its unhappiness. It is "hard to be child" in such kind of the world. Chekhov does not affirm its total conformity to reality. Child's perception is narrowed and superficial, but contact with it evidently shows distortion primary and elementary norms of human contacts and behavior. In a number of stories, starting with the earliest ones, A.P. Chekhov used the method of deprivation in which elements of Chekhov's peculiar way of narration "in manner and tone of the hero" are obvious.

Key words: *Chekhov, children, adults, attitude, peace, perception of the world, suspension, norm.*

Elena N. Petukhova – candidate of Philology, professor. Faculty of Humanities, Department of Russian language and literature. Saint-Petersburg State University of Economics. Phone: +7-921-795-57-10; E-mail: pen9@yandex.ru